

Анри де Ренье

Смерть г-на де Нуатр и г-жи де Ферлэнд

*Часть сборника
Маркиз д'Амеркер (сборник)*

Анри де Ренье Смерть г-на де Нуатр и г-жи де Ферлэнд

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22823178

Аннотация

«Пурпур с кровью пышно распустившейся красной розы, казалось, струился за оконницей стеклянной двери. Лепестки трепетали, и шипы стебля царапали стекло. На дворе был сильный ветер, и под черным небом омрачались в саду взволнованные воды. Старые деревья качались со стоном; торсы стволов вытягивали ветви и поддерживали трепещущую листву. Дыхание ветра просачивалось сквозь дверные щели, и маркиз, сидя в большом кресле, локоть положив на мраморный стол, медленно курил. Дым от его трубки подымался прямо, пока не попав в струю сквозного ветра не начал кружиться, расплетая свои кольца в отдельные волокна. Маркиз прикрыв свои колени затканной цветами полою плаща. Сумерки не утишили урагана. Большая роза колебалась, с гневом шевеля своими шипами. Перед окнами носилась взад и вперед маленькая летучая мышь, блуждающая и ошеломленная...»

Анри де Ренье

Смерть г-на де Нуатр и г-жи де Ферлэнд

Пурпур с кровью пышно распустившейся красной розы, казалось, струился за оконницей стеклянной двери. Лепестки трепетали, и шипы стебля царапали стекло. На дворе был сильный ветер, и под черным небом омрачались в саду взволнованные воды. Старые деревья качались со стоном; торсы стволов вытягивали ветви и поддерживали трепещущую листву. Дыхание ветра просачивалось сквозь дверные щели, и маркиз, сидя в большом кресле, локоть положив на мраморный стол, медленно курил. Дым от его трубки подымался прямо, пока не попав в струю сквозного ветра не начал кружиться, расплетая свои кольца в отдельные волокна. Маркиз прикрыл свои колени затканною цветами полою плаща. Сумерки не утишили урагана. Большая роза колебалась, с гневом шевеля своими шипами. Перед окнами носилась взад и вперед маленькая летучая мышь, блуждающая и ошеломленная.

«Для того, чтобы попасть в Окрию, – продолжал г-н д'Амеркер, – надо было взять одну из двух дорог. Морская, кратчайшая, мало привлекала меня. По другой надо было ехать шесть дней верхом. Я остановился на ней. Меня уверили в

сносности гостиниц, и на следующий день на рассвете я уже ехал по равнине. Высокие землисто-желтые холмы вздымались на горизонте; я быстро достиг их. Лошадь моя шла резво и я опустил ей повод. Большая часть пути прошла без приключений. Ни одной встречи ни в пустых гостиницах, ни на пустынных дорогах. Я приближался, и утром шестого дня мне оставалось только пересечь конец леса. Местность показалась мне необыкновенно дикой. Обвал чудовищных скал громоздил там зазубренные хребты, вздымал косматые лошадиные груди и тянул уродливые лапы. Пятна на камнях подражали крапу на коже, лужи воды светились, как глаза, и бархат мхов был похож на шерсть разных мастей. Желтая почва была промыта водомоинами и кое-где выгибалась каменистыми позвоночниками. Местами ключ – глухой и тихий. Красноватая хвоя сосен шерстила землю рыжим руном.

По выходе из леса, внизу раскрывалась сухая равнина, покрытая буграми и кустарниками. Я остановился на мгновение, чтобы посмотреть на ее однообразное пространство, замкнутое скалистым гребнем, за которым находилась Окривя. Я уже был готов продолжать путь, когда услышал сзади галоп, и всадник на темно-рыжей лошади нагнал меня и раскланялся. Охотничий костюм рыжей кожи преувеличивал его сложение – среднее, как и его рост. Темные его волосы кое-где светлели красно-бурым отливом, а остроконечная борода слегка рыжела. Солнце, стоявшее уже на закате, обливало его темно-красным светом, и цвет всей фигуры его вязался

с охрой далее и с золотом окружающей листвы; он казался измученным долгой скачкой; мы спустились конь о конь по довольно крутой дороге.

Узнавши, что я еду в Окрию, он, сам тоже направляясь туда, предложил мне провести меня кратчайшим путем. День погасал. Теперь мы следовали вдоль оголенных изгородей, ограждавших бесплодые каменистых полей. На одном перекрестке мы встретили стадо коз. Они щипали сухую траву. Бороды их торчали клином, под стук маленьких копыт болталось дряблое вымя. Посреди них выступал козел со скрученными рогами, непристойный, высокомерный и вонючий.

– Ну право же у него вид старого сатира, – сказал мне мой спутник с коротким, дребезжащим смехом. Он остановился и разглядывал животное, которое с любопытством смотрело на него.

Солнце садилось. Бледно-золотой свет окрашивал предметы. Земля, которую мы попирали, была горклой и желчной, а сзади нас дикая гора высила свои громады исчервленной охры. Мой собеседник продолжал – Да, эта земля полна таинственности, и здесь происходят вещи поразительные; исчезнувшие породы возрождаются; доказательства уже почти в моих руках, и я подстерегаю лишь несомненность.

Он осторожно достал из своей сумки ком желтоватой земли и протянул мне. Глина слегка осыпалась в моей руке.

– Видите вы след, – и он указал мне на стертый почти знак, – это след фавна. У меня есть также указания на при-

сутствие кентавра. Я несколько ночей сидел в засаде, чтобы его застигнуть. Его не видно, но слышно как он ржет. Должно быть, он молод, у него узкая грудь и еще неуклюжий зад. При луне он приходит глядеться в водоемы и больше не узнает себя. Он последний в своей породе, или скорее вновь ее начинает. Она была истреблена и гонима так же, как порода нимф и сатиров, ибо они существовали. Рассказывают, что пастухи некогда застигли одного спящего кентавра и привели его к проконсулу Сулле. Переводчики спрашивали его на всех известных языках. Он отвечал лишь криком, похожим и на бляенье и на ржанье. Его отпустили, ибо люди того времени еще немного знали истины, после померкшие. Но все, что существовало, может возродиться. Эта земля благоприятна для сказочных свершений. У сухой травы цвет руна; голос ключей лепечет двусмысленно; скалы эти похожи на недосозданных животных. Человек и зверь живут достаточно близко, чтобы между ними могло возникнуть кровосмесительство. Время разъяло формы, некогда сочетавшиеся. Человек уединился от всего, что его окружает, и замкнулся в свое бессильное одиночество. Думая совершенствовать себя, он пошел назад.

Боги меняли некогда облик по своему выбору, и принимали тело своих страстей – орлов или быков! Существа промежуточные вместе с богами разделяли это свойство; оно дремлет в нас; наша похоть создает в нас внезапно возникающего сатира; почему же не воплощаемся мы в страсти, которые

вздывают нас на дыбы! Надо стать тем, что мы есть; надо, чтобы природа восполнилась и вновь обрела утраченные состояния.

Мой спутник не переставал говорить с лихорадочным увлечением. Я следил с трудом за его речью, которую он продолжал, казалось, не обращая внимания на мое присутствие. Солнце между тем село и, по мере того, как сумрак сгущался, его необычайная фигура точно угасала мало-помалу; он терял рыжий блеск, которым свет этого заката напитал его одежду из темно-красной кожи, его бороду и волосы. Весь его внешний облик потемнел; потом и возбуждение его стихло вместе с переменой пейзажа. Скоро мы увидели мерцание воды в реке.

Распространяемая ею влажность делала берега зелеными. Мост переступал ее своими арками. Ночь спускалась быстро. Мой спутник не говорил больше, и я видел рядом его черный облик, выступавший на окрестном мраке. Доехав до конца моста, булыжники которого гулко звенели под копытами, он круто остановился перед фонарем, висевшим на столбе. Глядя на него, я себя спрашивал, неужели этот человек, протягивающий мне руку, и есть мой недавний странный собеседник. Его лицо казалось мне иным, его темные волосы и борода больше не золотились; он вырисовывался стройный и изящный, и с вежливой улыбкой, расставаясь со мной, он сказал свое имя на случай если во время моего пребывания в Окрии, мне будет угодно посетить Адальберта де Нуатр.

Первым лицом, которое посетил в Окрии г-н д'Амеркер, вовсе не был г-н де Нуатр. Даже воспоминание о необычайном этом спутнике стерлось несколько в его душе; он не пытался его разыскать и прекрасно обошелся без встречи с ним. Он не видел его ни на прогулках, ни в тавернах, ни у куртизанок, которых он посещал часто, потому что доступ к ним открывается быстро для человека с его именем, обладающего хорошими лошадьми, бельем и драгоценностями. Две из самых блестящих даже оспаривали его друг у друга с ожесточением. Одна была брюнеткой и отбила его у другой, которая была белокурой, но та, в свою очередь, отняла его, хотя он предпочел бы удовлетворять их обеих по очереди, чем выбирать между ними.

Любовь к кутежам и игре быстро связала его с несколькими самыми элегантными молодыми людьми в городе. Его скоро стали приглашать на все увеселения. Он там понравился, а так как старики любят принимать участие в бесчинствах молодежи, то он познакомился через посредство всеми любимых наслаждений со многими серьезными особами, доступ к которым без этого был бы для него труден.

Эти сношения поставили его на равную ногу с лучшим обществом Окрии. Встречая его так часто у своих любовниц, эти господа, в конце концов, ввели его к своим женам, и г-н д'Амеркер скоро ознакомился с большими молчаливыми отелями в глубине мощеных дворов. Он сидел за роскошны-

ми обедами, пробовал блюда искусных кухней, смаковал вина вековых погребов и видел под хрустальными люстрами торжественное следование местных сановников и красавиц.

Среди всех одна особенно привлекала его. Ее звали г-жа Де Ферлэнд. Она была стройная и рыжая. Тело ее, продолговатое и гибкое, поддерживало языческую голову, увенчанную волосами, волнистые струи которых кончались завитками. Пламенная масса этих волос казалась и текучей и чеканной, в ней была дерзость шлема и грация фонтана. Это шло к ее виду и осанке Нимфы-воительницы. Она была вдова и жила в старом отеле посреди прекрасных садов. Г-н д'Амеркер быстро стал там постоянным гостем, проводил там целые дни, приходя во все часы, тщетно дожидаясь часа любовных свершений. Эта целомудренная Диана любила убирать свою красоту складками туник и лунным серпом, так что имя, которое носила она, было ею заслужено. Она любила незримые мелодии, любовный сумрак и журчанье воды. Три фонтана журчали гармонично и ясно среди залы из зелени. В саду был также маленький грот, куда г-жа де Ферлэнд приходила часто отдыхать. Свисающий плющ смягчал там свет; стоял зеленоватый и прозрачный полумрак.

Это там она заговорила в первый раз с г-ном д'Амеркером о г-не де Нуатре. Она описывала его, как человека со странностями, но начитанного и очаровательного, с громадным запасом знаний и утонченным вкусом. Впрочем, он жил очень уединенно, часто уезжал, путешествовать и был боль-

шим любителем книг, медалей и камней.

Г-н д'Амеркер, не входя в подробности своей встречи с г-ном де Нуатром, рассказал о ней, как о случае, когда он выказал себя очень обязательным, и принял предложение г-жи де Ферлэнд, отправиться к нему вместе, – он, чтобы поблагодарить своего дорожного спутника, она, чтобы навестить друга, который с некоторого времени забыл ее. Итак, в назначенный день они отправились к г-ну де Нуатру.

Уже при входе, посредине сеней, бросалась в глаза античная бронза, изображавшая Кентавра. Мускулы пружились на его широкой лошадиной груди; круглый круп сиял; бока, казалось, трепетали; поднятое копыто застыло, и конное чудовище подымало нервной рукой сосновую шишку из оникса над головой, увенчанной виноградными гроздьями. Повсюду, куда ни водил их хозяин, г-н д'Амеркер дивился исключительному подбору вещей, относившихся к истории полубогов земных и морских и к магической мифологии древности. Терракоты являли их изображения, барельефы возывали сказания о них, медали напоминали об их культах. Гарпии с острыми когтями, Сирены крылатые или рыбоподобные, кривоногие Эмпугзы, Тритоны и Кентавры, – каждый имел там свою статуэтку или статую. Библиотеки содержали тексты об их происхождении, об их жизни, об их природе. Трактаты рассуждали об их видах и формах, перечисляя все роды Сатиров, Сильванов и фавнов, и один из них, крайне редкий, который г-н де Нуатр показывал не без гордости, содержал в

себе описание Паппосилена – чудовища ужасного и целиком обросшего шерстью. Тетради в удивительных переплетах сохраняли рецепты фессалийских зелий, посредством которых колдуньи Лукиана и Апулея превращали человека в сову или оборачивали в осла.

Г-н де Нуатр с удивительным радушием показывал посетителям свой кабинет. Иногда легкая улыбка кривила его рот. В его глазах, очень черных, моментами мерцали медные блестки, и в его бороде переплетались три золотых волоска. Прощаясь он сжал руки г-же де Ферлэнд в своих пальцах с острыми ногтями, и, пока он глядел на нее, г-н д'Амеркер увидал, как металлические блестки множатся в его глазах, которые пожелтели каким-то беглым блеском, страстным, неукротимым и почти тотчас же потухшим.

Первый этот визит не остался последним; г-н д'Амеркер еще часто видал мраморные сени, где шел, подняв копыто над своим мраморным пьедесталом, бронзовый кентавр, с шишкой из оникса, сиявшей в его руке. Г-н де Нуатр никогда не давал никаких объяснений относительно происхождения и цели этих необычайных коллекций, собранных в его доме. Он не говорил о них иначе, как для того, чтобы отметить редкость книги или красоту предмета. Больше ничего, и никакого намека на обстоятельства их первой встречи. Его сдержанность вызывала подобную же со стороны г-на д'Амеркера. Такие отношения церемонной дружбы охраняли секрет одного, не допуская любопытства другого, и оба, казалось,

были согласны выказывать обоюдное забвение.

«Г-жа де Ферлэнд была в тревоге уже несколько дней, когда она попросила меня зайти к ней. Я поспешил на ее зов и нашел ее нервной и озабоченной. На мои настояния пове­дать мне причину ее смуты, она отвечала уклончиво, но кон­чила признаниями в том, что она живет в странном ужасе. Она рассказала мне, что каждую ночь собаки завывают, но не столько от гнева, сколько от страха. Садовники открыли на песке аллея следы шагов. Трава, истоптанная то здесь, то там, обличала чье-то ночное присутствие, и к моему вели­кому изумлению она показала мне комок глины, на котором был виден странный оттиск. Это был беглый, но достаточно отчетливый след. Разглядев ближе отвердевший знак, я за­метил несколько желтых волосков, засохших в глине. Незри­мый вор, очевидно, посещал сад и следил за домом. Напрас­но ставили капканы и пробовали устраивать ночные обхо­ды. Несмотря ни на что, г-жа де Ферлэнд не могла в себе победить непреодолимого ужаса. Я успокоил, как мог, ми­лую трусиху, и, покидая ее, обещал вернуться на следующий день.

Это был день конца осени; раньше шел дождь. Улицы оставались грязными; в сумерках осыпались желтые и крас­ные деревья. Большая решетка отеля оставалась открытой, привратник дремал в своей каморке. Я вошел в переднюю и ждал лакея, который бы мог доложить госпоже де Ферлэнд

обо мне. Ее комната, выходящая в сад, была в конце галереи. Я подождал еще. Ничто не шевелилось в обширном и безмолвном доме. Никто не приходил, и время шло. Слабый шум достиг моего уха: я стал слушать внимательнее, и мне послышались заглушённые вздохи, после – падение опрокинутой мебели. Я колебался, все стихло. Вдруг раздирающий крик вырвался из комнаты г-жи де Ферлэнд. Я перебежал галерею и толкнул дверь, которая распахнулась настежь. Было уже темно, и вот что я увидел. Г-жа де Ферлэнд лежала полуобнаженная на полу, ее волосы разлились длинной лужей золота, и, склонившись над ее грудью, какое-то косматое животное, бесформенное и брыкающееся, сжимало ее и впивалось ей в губы.

При моем приближении эта глыба желтой шерсти отскочила назад. Я услышал скрип его зубов, а его копыта скользили по паркету. Запах кожи и рогов смешивался с нежными духами комнаты. Со шпагой в руке я ринулся на чудовище; оно носилось кругами, опрокидывая мебель, царапая обивки, избегая моих преследований с невероятной ловкостью; я старался загнать его в угол. Наконец, я пронзил его в живот; кровь брызнула мне на руку. Зверь кинулся в темный угол и вдруг, неожиданно, толчком опрокинул меня, вскочил на открытое окно, и в звоне разбитых стекол, соскочил в сад. Я приблизился к г-же де Ферлэнд; теплая кровь текла из ее разорванного горла. Я приподнял ее руку. Она упала. Я прислушался к ее сердцу. Оно не билось. Тогда я почув-

ствовал себя охваченным паническим ужасом; я бежал. Передняя оставалась пустой, дом казался таинственно покинутым. Я снова прошел мимо спящего привратника. Он храпел с открытым ртом, недвижимый, в какой-то летаргии, которая позже показалась мне подозрительной, точно так же, как и отсутствие всех слуг в этом уединенном отеле, в котором г-жа де Ферлэнд, казалось, предчувствовала какую-то скотскую западню, которая готовилась вокруг ее красоты.

Была ночь; я бродил по улицам в невыразимом смятении. Начался дождь. Так длилось долго. Я все шел, сам не зная куда, когда, подняв глаза, я узнал дом г-на де Нуатра. Я знал, что он друг начальника полиции, и мне пришла мысль посоветоваться с ним и в то же время сообщить ему о трагическом событии этого страшного вечера. К тому же этот отель, так неожиданно пустынный, мое присутствие на месте преступления, все это создавало против меня, благодаря связи необъяснимых фактов, чудовищное подозрение, которое необходимо было предупредить безотложно.

Я позвонил. Слуга мне сказал, что г-н де Нуатр в своей комнате, которую он не покидает уже несколько недель. Часы пробили одиннадцать, я постучался и, не дожидаясь, открыл дверь и остановился на пороге; сумрак наполнял обширную комнату. Окно должно было быть открыто, потому что я слышал, как стучал дождь снаружи по мостовой пустынной улицы, на которую выходил задний фасад дома. Я позвал г-на де Нуатра. Ответа не было. Я ощупью подвигался

в темноте. Немного угольков тлело в камине. Я зажег об них факел, который нащупал рукой на консоле. Пламя затрещало. Распростертое на паркете ничком, лежало тело. Я повернул его на половину и узнал г-на де Нуатра. Широко раскрытые его глаза глядели, стеклянные, из агатовых вывороченных век. На углах его губ пенилась алая слюна. Его рука запачкала мою кровь, когда я коснулся ее; я откинул черный плащ, в который был завернут труп. В животе у него была глубокая рана, нанесенная шпагой. Я не испытывал никакого страха. Нестерпимое любопытство овладело мною. Внимательно я осмотрел все вокруг. В комнате все было в порядке. Кровать раскрывала свои белые простыни. На паркете из косоугольников светлого дерева рисовались грязные следы; они шли от окна к тому месту, где лежал г-н де Нуатр. Станный запах кожи и рогов осквернял воздух. Огонь затрещал. Две рядом лежащие головни вспыхнули, и я увидел тогда, что несчастный упал ногами в камин, и что пламя сожгло его башмаки и обуглило тело.

Эта двойная смерть взволновала Окрию. Меня призывали в высший суд и после показаний, мной данных, меня больше не тревожили.

Связь между этими трагическими фактами навсегда осталась сомнительной и неустановленной. Так как г-жа де Ферлэнд не оставила наследников, то все имущество ее перешло к бедным, вместе с тем, что г-н де Нуатр, тоже бездетный, оставил ей по завещанию, в котором он отказал мне, в па-

мять о нем, бронзового кентавра, украшавшего сени его дома, который держал в руке шишку из оникса».

Лакей вошел, хромя, и одну за другой зажег свечи в подсвечниках и большой канделябр, который он поставил на стол. Потом он растворил застекленные двери, чтобы закрепить наружные ставни. Ветер все продолжался. Снаружи доносился запах роз и букса, и, привлеченная светом, маленькая летучая мышь носилась по обширной комнате. Она блуждала под потолком, точно она хотела нам начертить круг, без конца возобновляемый, но каждый раз прерывавшийся резкими зазубринами. Ее нежные крылья быстро бились. Маркиз сидел, завернувшись в свой широкий плащ из шелка, затканного узорами, и мы глядели на быстрое животное, которое с терпеливым ожесточением исполняло свое таинственное дело, прерываемое петлями его спешки, и путалось в обманных извилинах и в безвыходных сетях своего полета, который чертил воздух магическими росчерками своего прерывного заклятия.